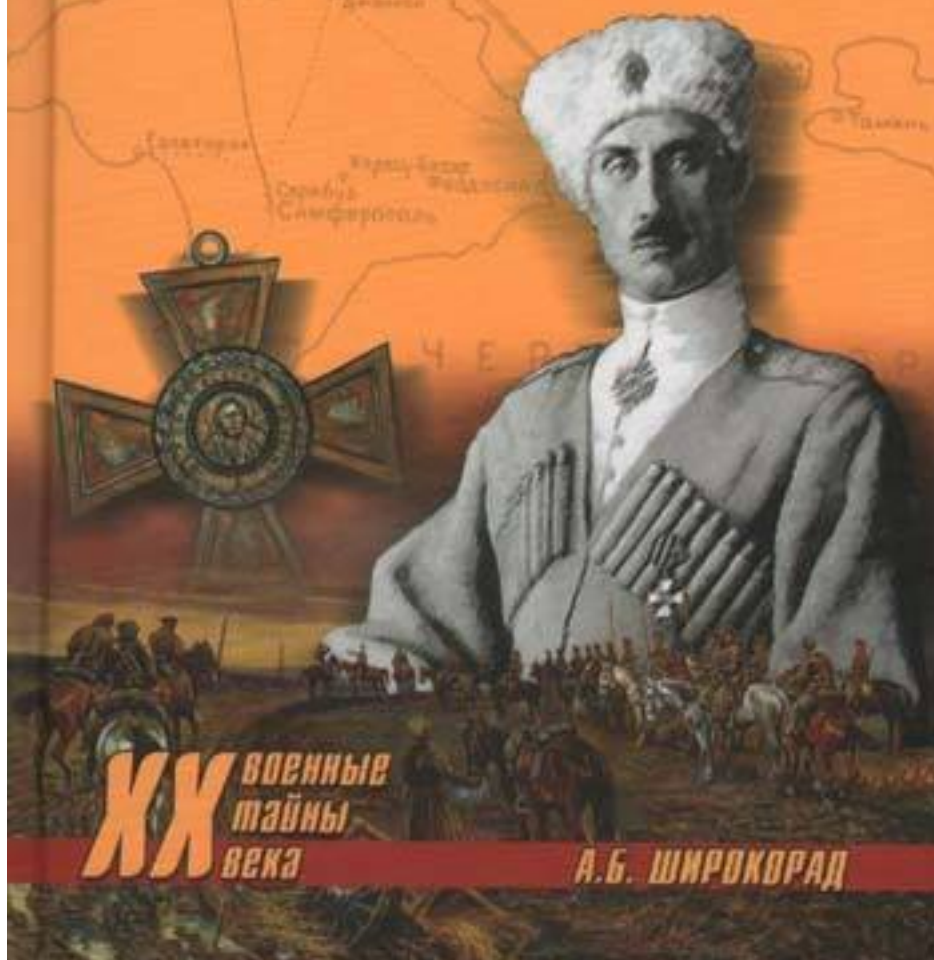


# УПУЩЕННЫЙ ШАНС ВРАНГЕЛЯ



Военные тайны XX века

Александр Широкоград

**Упущенный шанс Врангеля.  
Крым-Бизерта-Галлиполи**

«ВЕЧЕ»

2010

## **Ширококорд А. Б.**

Упущенный шанс Врангеля. Крым-Бизерта-Галлиполи /  
А. Б. Ширококорд — «ВЕЧЕ», 2010 — (Военные тайны XX века)

«Сломаюсь – но не согнусь» – начертано на фамильном гербе рода Врангелей, и этот девиз определял весь жизненный путь генерала П.Н. Врангеля. «Идея жертвенного служения, идея национальной и личной чести, идея стояния за священные истоки русской государственности вела Врангеля по пути его доблестного служения», – писал один из его биографов. И все-таки, кто был он, Петр Николаевич Врангель, – «кровавый черный барон» или последний рыцарь Белого движения? Какова его роль в Гражданской войне? Что происходило внутри Белого движения в армейских штабах, экономике, финансах? Могли ли реформы Петра Врангеля в Крыму стать образцом для всей России? И, наконец, была ли альтернатива «великому исходу»? Об этом и многом другом говорится в книге историка Александра Широкограда.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Александр Широкоград

## Упущенный шанс Врангеля.

### Крым-Бизерта-Галлиполи

#### Глава 1

#### Пролог российской драмы

16 декабря 1916 г. полковника Врангеля назначили командиром 2й бригады Уссурийской конной дивизии. Назначение было отмечено веселой офицерской пирушкой. Настроение у Петра Николаевича было весьма оптимистическое. Карьера складывалась удачно. Уссурийская дивизия воевала на Румынском фронте на чужой территории и сравнительно малой кровью.

Где-то на Западном фронте 31-летний полковник Яков Слащев командовал лейб-гвардейским Московским полком. Там же служил унтер-офицер Семен Буденный. В Петрограде на частном заводе Ургайло работал мастером Клим Ворошилов.

В Минске в Комитете западного фронта Всероссийского земского союза служил статистиком Михаил Александрович Михайлов. Однако местная полиция получила сообщение из Петрограда, что под этим именем скрывается беглый каторжник Михаил Фрунзе.

В Туруханском крае в селе Курейка отбывал срок ссыльный Иосиф Джугашвили. Недалеко сидели Герш Аронович Радомысльский и Лев Борухович Розенфельд. Тесть последнего – Лев Давыдович Бронштейн – обретался на другом конце света, где собирал в партийную кассу деньги еврейских миллионеров. Из советских учебников истории мы позже узнали, что первые два были «политическими проститутками» Зиновьевым и Каменевым, а третий – «иудушкой» Троцким.

А где же автор столь едких характеристик? Он гуляет по набережным Женевского озера в сопровождении двух партайгеноссе. Первый партайгеноссе обладал незаурядным умом и обаятельной внешностью, а второй был превосходным секретарем, законной женой, а главное, вел финансовую отчетность партии.

О чем же думал руководитель большевиков? О революции в России? О начале гражданской войны?

Да, где-то в 1914—1915 гг. он говорил о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую. Но, увы, все эти рассуждения остались ничем не подкрепленными лозунгами, а говоря по-русски, пустой болтовней. Возьмем собрание сочинений Ленина и посмотрим перечень его статей за ноябрь 1916 г. – февраль 1917 г. Они все посвящены деятельности эмиграции и зарубежных социалистических партий. Нет не только статей о революции в России, но и даже о самой России.

Есть сведения, что Владимир Ильич к декабрю 1916 г. утратил в значительной степени свой оптимизм и даже утверждал, что его поколению революционеров не суждено увидеть революцию в России.

Такого же мнения придерживалась и царственная чета. 31 октября 1916 г. царица Александра Федоровна писала из Царского Села мужу в Ставку: «...я всецело полагаюсь на нашего Друга, который *думает исключительно о тебе*, о Бэби и о России; благодаря его руководству, мы перенесем эти тяжелые времена».<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 645.

Супруги уже строили планы на послевоенное время. Увы, они сводились к двум пунктам. Во-первых, репрессии против всех врагов престола и «нашего Друга»: «По окончании войны тебе надо будет произвести *расправу*»<sup>2</sup>. Во-вторых, демобилизованных солдат отправить добровольно-принудительно на строительство железных дорог: «Таким образом, найдется работа для наших *запасных*, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство – надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать»<sup>3</sup>.

На большее у наших соправителей умишка не хватило.

А между тем по городам Европы уже маршировали ударные части, готовившиеся к... гражданской войне в России. В Германии были сформированы части финских егерей. Замечу, что 95 % офицеров и генералов «незалежной Финляндии» (1920—1940х г.) начали свою карьеру именно в этих частях. В Австро-Венгрии были многочисленные части «сичевых стрелцов» и другие формирования из западноукраинских националистов.

Ну ладно, Германия и Австрия – противники России в войне. Но, увы, и в союзной Франции создаются Польские легионы. Представим на секунду, какой вой поднялся бы в Париже, если бы Николай II начал формирование в России частей из корсиканских националистов!

Но, может быть, этим частям соответствующие правительства готовили роль «пушечного мяса»? Нет. Все эти части почти не использовались на фронте.

А может, националистические формирования предполагалось использовать для давления на Россию в ходе мирных переговоров? Тоже нет, поскольку такая акция вызвала бы обратный эффект – бурю негодования внутри России.

В Берлине, Вене, Париже и Лондоне были абсолютно уверены о неизбежности внутреннего переворота в России, падении монархии и начале гражданской войны. И вот для этой войны готовились финские егеря, сичевые стрелцы и польские легионы.

С начала 1990х годов наши интеллигенты-образованцы подняли плач по «России, которую мы потеряли». Ах, была процветающая экономика, огромный рост рождаемости, страна управлялась мудрым святым царем. Образованцы заходят еще дальше сусальных романовских сказочек образца 1913 года.

Увы, все было далеко не так. Популярно Россию при Николае II можно представить как пышущую здоровьем молодую бабенку в модной парижской шляпке и блузке, но без юбки и порток. Ну, к примеру, Обуховский сталелитейный (ОСЗ) завод в Петербурге был одним из самых мощных в Европе. Когда в 1912 г. там ввели в строй сверхмощный пресс, в Ревельской обсерватории зафиксировали землетрясение средней силы в районе Петербурга. В 1916 г. на ОСЗ приступили к производству 16дюймовых (406мм) пушек для проектируемых линкоров. Пушки эти являлись самыми мощными в мире. Но пушки сами по себе – лишь гора металлолома. А вот прицелы и системы управления стрельбой для них, муфты Дженни (то есть приборы плавной наводки орудий), шары для погонов, на которых поворачивалась орудийная башня, и т. п. приходилось заказывать за границей.

Одной из важнейших реформ Александра II историки по праву называют судебную реформу. В результате Россия получила суд присяжных, независимую от властей адвокатуру, несменяемость судей и т. п., что вывело правосудие России на уровень передовых стран Западной Европы.

Но поскольку ни Александр III, ни Николай II не желали признавать законы, даже ими самими изданные, законность в России соседствовала с дичайшим азиатским произволом.

Начнем с того, что все политические дела расследовались не судебными следователями, а жандармами. Какое дело считать политическим, а какое – уголовным, решали власти, а не

---

<sup>2</sup> Там же. С. 373.

<sup>3</sup> Там же. С. 471.

суд. Политические процессы проходили при закрытых дверях, в строжайшей тайне, зачастую в отсутствии обвиняемых. С 1878 г. многие политические дела стали передаваться военными судами. Причем в 1887 г. был издан еще особый циркуляр, где военным судам прямо запрещалось применять другие меры наказания, кроме смертной казни, а если они находили основания для смягчения приговора, то это могло достигаться лишь ходатайствами и о смягчении приговора при конфирмации. Известен случай, когда был в 24 часа повешен студент за хранение нескольких революционных прокламаций. Сам студент не был революционером. Он просто отказался доносить, кто дал ему прокламации. Нельзя сказать о массовости таких случаев. Но зато для жандармов стало нормой грозить виселицей людям за чтение нежелательной литературы. Бывали случаи, когда жандармы грозили несовершеннолетним барышням – или скажите, кто дал книжку, или вас немедленно повесят.

Чтобы не возвращаться более к военным судам, скажу, что в 1905—1907 гг. стали функционировать военно-полевые суды, действовавшие без всяких формальностей. Функции судей исполняли обычно армейские или гвардейские офицеры, в большинстве своем абсолютно незнакомые с законами империи. Например, обыскал патруль прохожего, нашли в кармане браунинг. Ношение оружия не запрещалось законами империи, но поручик или прапорщик решает отпустить прохожего или расстрелять на месте. Часто выполнение приговора военно-полевых судов сопровождалось глумлением над осужденными или их телами. Модно было по свежим могилам пустить солдат церемониальным маршем под звуки «камаринской». В 1905—1907 гг. без суда или по приговорам военно-полевых судов было казнено по разным данным от 8 до 15 тысяч человек.

В 1914—1916 гг. жертвами военно-полевых судов стали десятки тысяч русских солдат, местных жителей и беженцев. Особенно беспощадно расправлялись с инородцами.

Кроме военного в России еще существовал и церковный суд. Мы говорим «суд» чисто формально. На самом же деле это была такая же форма внесудебной расправы, как суд «особого присутствия сената», или военный суд. Судьбу подсудимого решала церковная иерархия или святейшие власти. Естественно, никакой гласности, никаких адвокатов. Мало того, не устанавливался даже срок заключения. В XIX веке в России существовало значительное число монастырских тюрем (в Соловецком, Валаамском, Спасо-Евфимьевском (Суздальском) и других монастырях). Содержание заключенных монастырских тюрем не регламентировалось никакими законами. Зачастую люди пожизненно сидели в каменных мешках-одиночках, из которых их не выпускали даже на прогулки.

Попасть в монастырскую тюрьму можно было буквально за что угодно. Дьякон Николай Добролюбов был заключен в Спасо-Евфимьевский монастырь в 1877 г. за «крайнюю нетрезвость и буйство» и был выпущен оттуда в 1904 г. В тюрьме он писал стихи. Законами империи за пьянство и буйство положен был арест на несколько суток, а Добролюбов отсидел 27 лет, да и то вышел благодаря революции.

Крепостной графа Головина за самооскопление и за оскопление своего господина (по его же приказу) провел 62 года (!) в одиночной камере Соловецкого монастыря, где и умер в 1880 г.

В 1877 г. Особое присутствие сената приговорило двух несовершеннолетних подростков Якова Потапова и Матвея Григорьева к заключению в монастырь за участие в демонстрации в Петербурге на Казанской площади, организованной Плехановым. Яков Потапов был первым, кто публично вышел на улицу с красным знаменем, за что и оказался в одиночной камере Соловецкой тюрьмы.

В январе 1895 г. в Спасо-Евфимьевский монастырь был заключен купец Василий Рахов. «Преступник» на свои средства открыл в Архангельске ночлежный дом, детский приют на 40 человек, мастерскую для заработка нуждающимся и в голодные 1892—1893 гг. две столовые, более чем на сто человек каждая. В столовых он читал вслух Евангелие, жития святых и другие просмотренные цензурой книги. Он сопровождал чтение разъяснениями. Местное

духовенство увидело в Рахове конкурента. Рахов был предан суду по обвинению в распространении штундизма, но был оправдан.

Несмотря на оправдание Рахова судом, местный архиерей, обвиняя Рахова в штундизме, просил Синод сослать его в Спасо-Евфимьевский монастырь. Выбор этого монастыря вместо ближайшей тюрьмы в Соловецком монастыре мотивировался опасением влияния Рахова на окрестное население, которое знало его. Синод удовлетворил ходатайство, и Николай II утвердил это решение. На свободу тяжелобольной Рахов вышел в 1902 г.

Таким образом, суд присяжных в России рассматривал только те дела, которые ему соизволяла передавать власть. Но и тут Александр III, и особенно Николай II любили влезать даже в чисто уголовные дела подведомственного суда присяжных. Вот, например, офицер соблазнил молодую девушку. Через некоторое время она попросила или жениться на ней, или оставить ее в покое. Как видим, довольно скромное пожелание. Офицер, не раздумывая, застрелил девушку. Суд присяжных приговорил его к каторжным работам, а царь решил, что за такие шалости достаточно и разжаловать в солдаты.

В 1907 г. в модном ресторане Санкт-Петербурга гвардейский офицер поднял тост за царя. Поблизости спал пьяный студент. Офицер увидел, что кто-то не встал, и разрядил наган в голову спящего. На беду офицера студент оказался не революционером, а племянником важного сановника. Но и тут Николай II повелел оставить дело без последствий.

Страшным бедствием для России конца XIX – начала XX века были административные высылки. Конечно, ссылку даже в места столь отдаленные не сравнить с пребыванием на Сахалинской каторге или в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря. Зато административная ссылка происходила очень легко, буквально росчерком пера, а у ссылаемого не было никакой возможности защититься или просить обжаловать приговор, а точнее, распоряжение.

Административные высылки, за редким исключением, применялись не к революционерам или уголовным преступникам, а в лучшем случае – к людям подозреваемым или инакомыслящим. Но и эта категория лиц составляла ничтожный процент высылаемых. Большинство же их составляли люди, чем-то неугодные или неудобные властям. Николаю II административные высылки очень импонировали. По его приказам в ссылку без объяснения причин и установления срока ссылки неоднократно отправлялись даже великие князья.

Вот характерный пример. В начале 1911 г. в Государственном совете обсуждался закон о введении земства в западных губерниях, внесенный премьером Столыпиным. Член Госсовета видный сановник В.Ф. Трепов специально добился аудиенции у Николая II с целью узнать, последует ли его приказ голосовать «за». Царь ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Трепов истолковал эти слова как знак недоверия Столыпину, и Госсовет 92 голосами против 68 провалил закон.

В ответ Столыпин начал шантажировать царя отставкой. И, в конце концов, царь 10 марта 1911 г. в присутствии Столыпина подписал указы о перерыве сессий Госсовета и Государственной думы, и приказал выслать из Петербурга членов Госсовета П.Н. Дурнова и В.Ф. Трепова.

Ну, полбеда, если бы правом административной высылки обладал бы один царь. Но такое право получили министры, губернаторы и даже чиновники меньшего ранга. Это было введено еще до Николая II, но Александра III все боялись и действовали более осмотрительно. Новый же царь смотрел сквозь пальцы на произвол своих слуг.

Вот, к примеру, в августе 1903 г. министр внутренних дел Плеве вызвал заведующего Особым отделом департамента полиции С.В. Зубатова и без объяснения причин приказал сдать дела и ехать в ссылку во Владимир под гласный надзор полиции.

Что же случилось? Крупнейший провал охранки? Ничуть не бывало. Просто Плеве получил донос, что министр финансов С.Ю. Витте вступил в сговор с князем В.П. Мещерским и Зубатовым с целью свержения Плеве и передачи его портфеля Витте. Кстати, донос оказался



ложным, но Зубатов уже был во Владимире, а вернуться из ссылки в Москву ему разрешили только в 1910 г.

Губернаторы при Николае II распоясались дальше некуда. Замечу, что процент революционеров или просто инакомыслящих среди высланных был невелик. Можно было выслать купца, торговавшего не по цене, установленной губернатором. Говоря современным языком – пышно расцветал рэкет. Причем главными рэкетирами были губернаторы и их ближайшие чиновники.

Освистать актрису на сцене было модой среди офицеров. Помните: «Обшикать Федру Клеопатру, Моину вызвать (для того, чтоб только слышали его)». Обшикал поручик Клеопатру раз, два, а потом красotka отдалась «ответственному лицу», и поручика без объяснения причин отправляют в места не столь отдаленные. А могла ли актриса, скажем, не отдаться губернатору? Могла, но за такие штучки нижегородский губернатор Хвостов выслал весь театр из города. Это с одной стороны. А с другой – отдаваться надо было тоже с умом. Понравится молодому аристократу соблазненная им мещанка или купчиха, и предложит он сдуру ей руку и сердце. Тогда родственники аристократа сразу идут к губернатору. И на следующий день девица-красавица вместе с родителями отправляется в долгий путь.

Вятский губернатор Камышский издал постановление: «Виновные в печатании, хранении и распространении сочинения тенденциозного содержания подвергаются штрафу с заменой тюремным заключением до трех месяцев». Объяснений, кого из литераторов считать тенденциозными, не последовало. Таким образом, за решеткой можно было оказаться за хранение Толстого, Достоевского, Булгарина или Каткова. А попробуй докажи, что они не тенденциозны.

Симферопольский вице-губернатор Массальный развлекался ловлей гимназистов на улицах. Если ребенок зазевался и не углядел в пролетке его превосходительство и не отдал ему чести, то немедленно шел под арест в каталажку на несколько дней.

Не отставали от губернаторов и градоначальники. Так, на ялтинского градоначальника Думбадзе было совершено покушение. Террорист промахнулся, а затем сиганул через забор особняка какого-то купца и скрылся. Тогда градоначальник приказал расстрелять особняк из пушек. Владелец подал жалобу в Петербург, но царь был в восторге от действий Думбадзе.

Замечу, что оный градоначальник был очень озабочен и по сексуальной части. Так, он приказал полиции ловить на Южном берегу Крыма женщин, купавшихся нагишом. И началась высылка по этапу дам, которые плескались в море без купальников. Вообще-то говоря, в начале века один купальник в России приходился на несколько тысяч женщин. Да и сам Николай II купался голышом, даже документальные кадры сохранились. Чтобы не прослыть женоненавистником, Думбадзе ссылал и мужчин, которые хоть и были одеты, но преступно наблюдали за обнаженными купальщицами.

Но бдительный Думбадзе на этом не остановился. Он занялся дамами, которые хоть и имели купальные костюмы (они тогда закрывали большую часть тела), но слишком медленно шли к кабинкам для переодевания. Если какая-нибудь дама зазевается на подходящий к Ялте пароход или подойдет к лотку с пирожками – немедленный арест. Короче, шаг влево или вправо от дороги к купальной кабинке карался высылкой.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Такую Россию нам хотят вернуть интеллигенты-образованцы? Граф Л.Н. Толстой сравнивал управление Россией Николаем II с правлением кокандского хана, а князь рюрикович П.В. Долгоруков называл Романовых «татаро-немецкой» династией, немецкой по национальности, но татарской по методам управления.

Наши историки почему-то упустили тот факт, что националисты по всей Российской империи Николая II и его сатрапов объединяли с русским народом, а избавление от беспредела видели не в борьбе против самодержавия вместе с другими народами империи, а в отделении от России.

А была ли альтернатива самодержавию в России? Понятно, о большевиках речи нет – они построили СССР. А что бы нам дала рвавшаяся к власти либеральная буржуазия?

Начнем с того, кем сейчас из «российских промышленников» восторгается либеральная печать? Мамонтовыми, Рябушинскими, Морозовыми, Третьяковыми, Лианозовыми. Но все это – текстиль и другие товары широкого потребления. А вот ВПК империи на 90 % был казенным – заводы Военного, Морского и Горного ведомств.

Я несколько лет работал в Военно-историческом архиве, архиве ВМФ и др. и ни разу не видел, чтобы стоимость корабля или пушки у частного завода была бы ниже, чем у казенного. К примеру, если стоимость крейсера (корвета) на казенной русской верфи принять за 100 %, то стоимость постройки его аналога на частной верфи была бы 150 и более процентов. Зато на европейской или американской верфи – 70—90 %. Таким образом, отечественная частная тяжелая промышленность не могла конкурировать не только с иностранными фирмами, но даже с казенными заводами.

В годы Первой мировой войны стоимость снарядов, выпускаемых частными заводами, в 1,5—2 раза была выше, чем у казенных. Обратимся к монографии начальника Главного Артиллерийского управления (ГАУ) в 1914—1917 гг. генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76мм шрапнель стоила на казенном заводе 9 руб. 83 коп., а на частном – 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64 процента. 76мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. соответственно; 122мм граната – 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152мм граната – 42 руб. и 70 руб. и т. д.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патриотических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных примитивных минометов и бомбометов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Все это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 минометов, от которых отказались войска. Надо ли говорить, что среди них не было ни одного изготовленного на казенных заводах.

Многие частные заводы – Путиловский в Петрограде, Мариупольский сталелитейный и другие существовали в основном за счет взяток сановникам. Так, Путиловский завод контролировался «хозяином русской артиллерии» великим князем Сергеем Михайловичем и его метрессой Матильдой Кшесинской. В 1907 г. в Государственную думу морскому министру Григоровичу был сделан депутатский запрос, почему заказ на броню строившихся линкоров был дан частному Мариупольскому заводу, а не Ижорскому заводу Морского ведомства, производившему более качественную броню по вдвое (!) меньшей цене. Министр ответил, что заказ уже сделан и говорить тут нечего.

Александр II, не меняя в целом азиатского деспотического образ правления<sup>4</sup>, выделил буржуазии анклавы для управления. Речь идет о самоуправлении городов и земствах. Ну и что? Показали ли нам земцы и городские думы прообраз «новой России»? Осчастливили ли они население? Да, в чем-то они улучшили ситуацию. А в целом – почитайте Чехова, Гиляровского, Горького и других дореволюционных авторов.

Любопытный пример. Московские городские власти стали допекать домовладельцев поборами и различными придирами. И вот домовладелец – отставной адмирал, вспомнил, что еще в XIX веке он с эскадрой был во Франции, и ему присвоили звание почетного гражданина.

---

<sup>4</sup> Дело в том, что в государствах Европы под самодержавием понималась монархия, где государь по своей воле создавал законы, а затем управлял страной в рамках этих законов.

И он, хохмы ради, написал французскому послу, что, мол, обижают французского гражданина. Посол сделал запрос в МИД, после чего городские власти напрочь забыли о существовании старика адмирала.

Анекдот? Да. Но вот куда более серьезный вопрос, который мог закончиться гибелью тысяч русских солдат. Еще в 1879 г. русское правительство, посчитав огромные потери в ходе Балканского похода 1877—1878 гг., решило в случае следующей войны с Турцией высадить большой десант в Босфоре. Для этого строились броненосцы, специальная артиллерия для действия в Проливах, выдавались безвозмездные ссуды компаниям для строительства паровых судов, которые сейчас назвали бы кораблями двойного назначения (торговые и десантные).

А чтобы отправить в Босфор одновременно 150—200 тысяч человек, нужны хорошо оборудованные торговые порты. Ну а в мирное время, чем больше товарооборот, тем больше богатеет и расстраивается город у порта. И решил министр Александра II передать благоустройство торговых портов в ведение городских дум. А для этого ввели для купцов десяток сборов – якорный сбор, ластовый, «полукопеечный» (полкопейки с пуда груза на корабле) и другие сборы. Увы, 1890 г. все черноморские торговые порты оказались в ужаснейшем состоянии. Судовладельцы утверждали, что подобного они не видели ни в одном порту Европы.

В 1889 г. керченский градоначальник (царской властью) сделал запрос «демократически избранной» керченской городской думе о том, куда делись огромные средства от судовых сборов, поскольку в порту «ничего не делается». Думцы ответили, что они не обязаны отчитываться перед градоначальником. Тяжба перешла в Петербург в Сенат, который и постановил, что думцы правы.

Надо ли говорить, что эти средства разворовывали непосредственно члены «думы», или имело место «нецелевое использование».

Думцы российской глубинки не отставали от своих приморских коллег и свирепо грабили речные пароходные компании. Промышленники разорялись или шли на различные ухищрения, чтобы не платить за стоянки у «золотых причалов». На реках думцы занимались откровенным пиратством. Время замерзания Волги, Днепра, Северной Двины и других рек существенно зависит от изменений климата. Соответственно, судовладельцы вели навигацию «до последнего», пока пароходы и баржи не вмерзли в лед. Сами реки считались государственной собственностью, и плавание и стоянки в них были бесплатными. Однако во время ледохода зимовка на фарватере могла закончиться печально. Гораздо удобнее было зимовать в протоках и заводах. Цивилизованно зимовать у городских пристаней, как это делалось в советское время, было невозможно из-за грабительских поборов. Но и там на моряков нападали пираты, пардон, думцы из соседнего города: гони бабки! Промышленники жаловались в Петербург, тяжбы шли годами. Но на местах полиция, зависимая от думцев, обирала купцов до нитки.

В конце 1880х годов началось проектирование первого в России нефтепровода Баку – Батум. И тут же против него ополчилась «прогрессивная общественность» городов Поволжья. Придумать сказочки про экологию у них извилин не хватило. И посему либеральные газеты открыто писали, мол, по Волге меньше наливных барж пройдет, упадут доходы думцев от речного рэкета.

Россия по тоннажу морского торгового флота существенно уступала всем крупным державам мира. Например, Англии в 40 (!) раз. Россия плелась где-то после Норвегии и Швеции. Кто виноват? Самодержавие? Так правительство ежегодно выделяло значительные суммы на строительство торговых судов и безвозмездно компенсировало убытки ряду судоходных компаний. Тот же «Добровольный флот» был построен на деньги всей страны. Патриоты России отдавали последние копейки на строительство пароходов «Доброфлота». А либеральные «демократически избранные думцы» грабили наш торговый флот. И так было во всех областях экономики России.

Либеральные думцы, земцы, разные там душки приват-доценты и присяжные поверенные на банкетах произносили смелые тосты за свободу и конституцию. Составляли «адреса» царю с прозрачными и не совсем прозрачными требованиями. Суть их – «дайте порулить».

К 1917 г. в России сложилась парадоксальная ситуация. Ни царь, ни либеральная оппозиция не знали, куда вести империю. Ни у Николая II, ни у кадетов не было никаких определенных планов в области внешней политики, военной стратегии, в земельном и национальном вопросах и т. д.

Царь, царица и Распутин лишь импульсивно реагировали на возникавшие внутренние и внешние проблемы.

И вот в Петрограде произошла Февральская революция. Нравится нам или нет, но она оказалась масонским переворотом, в результате которого к власти пришло масонское Временное правительство. А в свидетели призовем... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого скольконибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»<sup>5</sup>. Замените слово «актеры» на «братья» – и все встанет на свои места.

По данным масона Н.Н. Берберовой<sup>6</sup>, в первый состав Временного правительства (март – апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, “третьей коалиции” (так называемой Директории), в сентябре – октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова – те, которые высидивали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были “в бегах”».

Масоны сравнительно легко захватили власть в Петрограде, образовав Временное правительство, а на места губернаторов были направлены комиссары Временного правительства. Но, увы, у масонов не было никакой ни политической, ни военной, ни экономической более-менее удовлетворительной программы.

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести порядок? Тоже нельзя – нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход – пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, бороться и т. д., когда неизвестно, кому достанется урожай осенью?

---

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11—12.

<sup>6</sup> Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

В марте – июне 1917 г. только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 г. в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии – 30 и т. д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте – октябре 1917 г. в России вроде бы гражданской войны и не было.

В принципе можно сказать, что Гражданскую войну, даже если бы не было националистов, устроил не Ленин, а Мария Владиславовна Захарченко, урожденная Лысова. Машенька Лысова окончила Смольный институт и была весьма утонченной интеллектуальной барышней. Но когда в начале лета 1917 г. мужики сожгли родительскую усадьбу, Машенька организовала отряд из помещичьих сынков и гимназистов, спалила несколько сел и лично расстреливала крестьян, уличенных в грабежах поместий. В Добрармии Машенька расстреливала пленных красноармейцев уже из «Максима», за что господа офицеры прозвали ее «бешеной Марией».

Причем таких «Машенок», «Петенок», «Вовочек» были тысячи, а о Машеньке мы знаем только потому, что мадам Захарченко (ее фамилия по восьмому мужу) стала одной из главных фигуранток в операции «Трест». Историк С.Г. Кара-Мурза назвал одну из главных причин Гражданской войны «социальный расизм влиятельнейшей части российской элиты».

Но, на мой взгляд, куда более важным фактором стал девятый вал сепаратизма, спровоцированный Февральской революцией. К октябрю 1917 г. под ружье было поставлено несколько сот тысяч военнослужащих «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Эти формирования (армии) подчинялись исключительно властным гособразованиям сепаратистов.

Замечу, что отделяться от России желали не только самозванные лидеры «инородцев», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» (леволиберальная буржуазия) в Сибири и т. п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем – и напрямую об отделении от центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу претендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной – летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос – сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный – нет! А кто бы победил? И думать над этим не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных «фэнтези», которые рассказывают нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Так что именно Октябрьская революция и последовавшая диктатура большевиков спасли Россию от распада, который был еще в 1915 г. запланирован в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Была ли большевистская диктатура кровавой? Да, была, но ее противники устроили бы еще более кровавую баню, если бы смогли. «Если о государе говорят, что он добр, его царствование не удалось», – это сказал не Ленин, а Бонапарт.

## Глава 2

### Приключения барона в войне и революции

Дворяне Врангели ведут свой род с XI века, но не имя, ни происхождение его основателя неизвестны. В Датской летописи XIII века упоминается деревня Уварангеле, а фамилия Врангелей впервые встречается в документах от 1277 г. Позже род Врангелей обосновался в Швеции. Во время Северной войны в армии короля Карла XII было 79 Врангелей, и 13 из них пали под Полтавой.

Один из сыновей Карла Густава в конце XVII века переселился в Россию и поступил на службу к Петру Великому. Так как одна из прабабок генерала Врангеля была дочерью генерал-аншефа Петра Ганнибалова, сына Абрама, то мы можем считать, что Врангели были в дальнем родстве с Пушкиным! В роду русских Врангелей были известные генералы и мореплаватели.

Отец нашего героя Николай Егорович Врангель прослужил несколько лет в лейб-гвардейском кавалергардском полку, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел. Тут следует заметить, что до 1917 г. служба в гвардии была необходимым этапом успешной карьеры, как военной, так и статской. Подавляющее большинство министров и ведущих сановников империи начинали службу именно в гвардии.

Н.Е. Врангель недолго прослужил в МВД, вышел в отставку и занялся предпринимательской деятельностью.

Мать нашего героя Мария Дмитриевна была дочерью морского офицера. В 1880—1890е годы семья жила в Ростове-на-Дону, где Н.Е. Врангель служил директором страхового общества «Эквитэбль» и входил в правление нескольких угледобывающих акционерных обществ, а также владел небольшим имением в Донской области.

В семье Врангелей родилось три сына. Петр был старшим. Средний, Николай, позже стал известным историком искусства, а младший, Всеволод, умер в детстве от дифтерита.

После окончания Ростовского реального училища Петр по желанию отца поступил в Санкт-Петербургский горный институт императрицы Екатерины II. Его отец надеялся, что, выучившись на горного инженера, старший сын поедет в Сибирь, где устроится в какое-нибудь из акционерных обществ по добыче золота. После поступления Петра в Горный институт вся семья переехала в столицу.

Петр Врангель окончил институт с золотой медалью и для обязательного по закону прохождения действительной военной службы в сентябре 1901 г. поступил вольноопределяющимся I го разряда в лейб-гвардейский Конный полк, где служили многие из Врангелей. В октябре 1902 г. он выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище по I му разряду, был произведен в офицеры (получил чин корнета гвардии) и зачислен в запас гвардейской кавалерии.

С октября 1902 г. по январь 1904 г. Петр Врангель служил чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, однако в службе по Министерству внутренних дел быстро разочаровался (обстоятельства его службы и жизни в Иркутске неизвестны).

После начала Русско-японской войны он добровольно вступил в армию и в феврале 1904 г. был зачислен во 2й Верхне-удинский полк Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего, а затем переведен во 2й Аргунский казачий полк, входивший в состав отряда генерала Ренненкампа. В мае 1905 г. Петр Врангель был переведен во 2ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков. Он участвовал в боевых действиях и был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом.

Петр твердо решил посвятить свою жизнь военной службе и поэтому стремился сравняться со своими сверстниками, выпускниками военных училищ, в чинах. Он старался получать отличия не орденами, а чинами, и своего добился. Уже в декабре 1904 г. Петра произвели в сотники, а в сентябре 1905 г. – в подъесаулы. Оба чина были получены досрочно, и теперь Врангель не только сравнялся со сверстниками в чинах, но и обошел многих в старшинстве.

Из Маньчжурии наш герой писал домой длинные письма, которые баронесса М.Д. Врангель, литературно обработав, отсылала в журнал «Исторический вестник», где они публиковались.

По окончании войны Врангель в январе 1906 г. был переведен в 55й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистра и до августа, будучи прикомандированным к Северному отряду генерала Орлова, в его составе участвовал в подавлении крестьянских выступлений в Прибалтике. В мае 1906 г. за отличие в делах против неприятеля был награжден орденом Святой Анны III степени.

В августе 1906 г. Врангель добился прикомандирования к лейб-гвардейскому Конному полку. В марте 1907 г. на параде по случаю полкового праздника Николай II заметил его в конно-гвардейском строю (Петра выделяли награды, высокий рост и защитная, куда более скромная по сравнению с конногвардейской, драгунская форма). Узнав, что заинтересовавший его офицер из рода баронов Врангелей, император выразил желание, чтобы тот служил в лейб-гвардейском Конном полку, куда Врангель и был тотчас же переведен в чине поручика гвардии.

Это – официальная версия возвышения Петра Врангеля, принятая как в его семье, так и среди его современных апологетов. Версия вполне имеет право на существование, так как Николай II обожал награды и любил фрунт. Но в гвардии повышения часто происходили и по постельной линии. К этому времени Петр познакомился с двадцатичетырехлетней фрейлиной из двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Звали оную фрейлину Ольга Михайловна, она была дочерью влиятельного при дворе камергера Иваненко. Судя по всему, царю еще до парада намекнули о Врангеле, ну а высоченный рост и отличная выправка тоже сыграли свою роль.

В августе 1907 г. состоялась свадьба, и Ольга Михайловна Иваненко стала баронессой фон Врангель. В браке у Петра и Ольги Врангелей родилось четверо детей: Елена (1909 г.), Петр (1911 г.), Наталья (1914 г.) и Алексей (1922 г.).

Современные монархисты представляют брак барона сплошной идиллией. Но, судя по всему, Ольге Михайловне иной раз приходилось несладко. Так, даже С.В. Карпенко, весьма благожелательно относившийся к Врангелю, писал: «Среди однополчан он выделялся крайним честолубием, решительностью, находчивостью и вспыльчивостью, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам. За пристрастие к шампанскому “Piper-Heidsieck” он получил среди товарищей прозвище “Пайпер”».<sup>7</sup>

В 1907—1910 гг. Врангель учился в Николаевской академии Генерального штаба. Но командованию армейскими частями и особенно работе в штабах барон предпочел службу в лейб-гвардии. В мае 1912 г. он вернулся в Конный полк в качестве командира эскадрона. В августе следующего года барона произвели в ротмистры. Казалось бы, зачем учиться в академии Генштаба, чтобы стать командиром эскадрона? Нормальному человеку это покажется глупостью. Но, как ни странно, Петр Николаевич был абсолютно прав. В царской России заурядному ротмистру гвардии было гораздо проще сделать военную или статскую карьеру, чем талантливому, но не родовитому генерал-майору в отдаленном военном округе.

Но война спутала все карты. Недаром великий князь Константин Павлович любил повторять: «Война портит войска».

---

<sup>7</sup> Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич. //Документы сайта [http://www.nivestnik.ru/2001\\_1/16.shtml](http://www.nivestnik.ru/2001_1/16.shtml)



В августе 1914 г. лейб-гвардейский конный полк в составе Гвардейской кавалерии перешел прусскую границу, и третий эскадрон барона Врангеля обходным маневром вынудил противника оставить город Пильканен. На следующее утро начался жестокий встречный бой. Кавалергарды князя Долгорукого, находясь в авангарде, приняли на себя всю тяжесть удара, и к концу дня положение их стало критическим.

Большой урон нашим войскам наносила прусская батарея, расположенная впереди деревни Каушен, на одном пригорке, слева от крестьянской мельницы. Тогда ротмистр Врангель вызвался захватить батарею конной атакой, на что и получает разрешение начальства. Посадив свой эскадрон на коней и весьма умело прикрываясь перелесками и лощинами, он незаметно приблизился к батарее на один километр и, рассыпавшись с первым полуэскадронном, стремительно бросился на врага. Пруссаки открыли огонь по кавалерийской лаве, который пришелся по низу, и потерь в людском составе, кроме офицеров, почти что и не было. Прямым попаданием картечи была убита лошадь под Врангелем, и, чудом спасшийся, он пешком добежал до орудий, где шел рукопашный бой. Потеря батареи заставила немцев поспешно отойти, и наши эскадроны заняли деревню Каушен.

За Каушенское дело ротмистр Врангель был награжден Георгиевским крестом и получил должность начальника штаба сводно-кавалерийской дивизии. В декабре 1914 г. его назначили флигель-адъютантом и произвели в чин полковника, а за отличие в дальнейших боях он получил Георгиевское оружие.

Здесь я привожу официальную версию, благо, иных версий Каушенского боя нет. Был ли Врангель таким храбрецом, действительно ли его подчиненные кавалеристы считали, что «барон заморожен, и его немецкая пуля не берет»? Не знаю, но на ум приходит первый бой Николая Ростова, за что он, кстати, был награжден Георгиевским крестом. Ейбогу, стоит перечитать этот эпизод «Войны и мира».

Ольга Михайловна Врангель отправилась за мужем в действующую армию. Она записалась в сестры милосердия Георгиевской Петроградской общины и работала в военном госпитале в городе Вильно. В годы войны работа в госпиталях была модной среди титулованных особ империи. На медицинском поприще они себя не слишком утруждали, по несколько раз в год отправлялись в длительный отпуск и т. п. Кроме всего прочего, Ольга Михайловна оказалась близко к месту службы мужа, и барон имел возможность часто посещать жену.

Как мы уже знаем, конец 1916 г. полковник Врангель встретил на Румынском фронте. О том, что происходит с бароном в бурное революционное время, нам расскажет сам Врангель. Для этого есть две веские причины. Во-первых, барон был мало кому известной личностью и не участвовал активно в событиях 1917 г., так что иных свидетельств о его жизни у историков почти нет. Ну а во-вторых, нам крайне интересно формирование взглядов Врангеля в ходе «русской смуты». Хотя при этом мы должны все время помнить, что это не записки очевидца, а мемуары эмигранта, написанные через несколько лет после окончания Гражданской войны, и, соответственно, события рассматриваются с учетом позднейшего. Ну а от «остроумия на лестнице» не свободен почти ни один мемуарист.

«После кровопролитных боев лета и осени 1916 года, к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период...

Солдаты после 2х лет войны, в значительной массе, также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой и

жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи “самострелов”, пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабые по составу были третьеочередные дивизии.

Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли в общем весьма низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованность казарм, рассчитанных на значительно меньшее количество запасных кадров, а главное, отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики.

Со всем этим армия все еще представляла собой грозную силу, дух ее был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции – неизбежное следствие каждой войны – поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обростала армия, особенно в ближайшем тылу; “земгусары”, призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности, заполнили собой всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа, главным образом прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из “интеллигенции”, облекались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии...

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Беспрерывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к Государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц, – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность “дворцового переворота” и “бескровной революции”. Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1 м Нерчинским казачьим полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: “я умираю потому, что слишком люблю родину”, – доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя “дворцовым переворотом”...

Другие начальники сознавали, что изменить положение вещей необходимо, но сознавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было не малое число и “приемлющих революцию” в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим неугодным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить».<sup>8</sup>

В этих коротких цитатах Врангель говорит очень о многом и одновременно о многом умышленно умалчивает. Начнем с того, что королевские династии в странах Западной Европы могли существовать без постоянных убийств монархов лишь за счет того, что сами монархи правили не произвольно, а по ими же самими установленным законам. В Западной Европе имелись силы, которые могли в какой-то мере контролировать действия монархов. Так, в Англии с XIII века действовал парламент, а во Франции – парламенты<sup>9</sup>, независимая или полунезависимая церковь, наконец, сильные феодалы, располагавшие большими материальными средствами и военной мощью.

Несколько иная ситуация сложилась в Риме во II—IV веках н. э. и позже в Византии. Там император был одновременно и главой церкви, и не имел систем сдерживания и противовесов. Примерно такая же картина наблюдалась в феодальных монархиях Востока IX—XIX веков. В таких странах большинство императоров, ханов, эмиров и султанов умирали не в своей постели. Убийство монарха являлось не чрезвычайным, а рутинным событием.

К сожалению, Россия XVIII—XIX веков принадлежала к государствам византийско-азиатского типа. Вспомним, что царица Софья, Петр I, Екатерина I, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II и Александр I пришли к власти в ходе военных переворотов, совершенных стрельцами или гвардией.

В Европе шутили: «В России самодержавие, ограниченное удавкой». Как ни грустно, но это было правдой.

Приход к власти Николая I ознаменовался восстанием декабристов. Новый царь решил заняться «воспитанием» гвардии. 1825 год стал переломным годом в истории нашей гвардии, после чего началась ее полнейшая деградация. Пусть планы декабристов представляли собой утопию, но это были наиболее умные и талантливые люди страны.

Место декабристов заняли в основном карьеристы и недалекие люди. Важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху.

Начальство сделало все, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жестко очерчен – уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Рассказывая о быте русской гвардии конца XIX века, романисту нет нужды напрягать фантазию. Все уже хорошо описано очевидцами. По словам биографа Николая II историка Грюнвальда, состоявшего в свое время в этой гвардии, разница между Преображенским полком и другими прославленными полками заключалась в том, что преображенцы были меньше известны своими попойками, а больше увлекались лошадьми и женщинами, слыли самыми отменными знатоками уставной службы и отличались безукоризненной выправкой на парадах.

А вот как описывал времяпровождение своих однополчан В.П. Обнинский: «Пили зачистую целыми днями, допивались к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все

---

<sup>8</sup> Врангель П.Н. Записки. Берлин, 1928.

<sup>9</sup> Наши историки делают ошибку, считая Францию до конца XVIII века унитарным государством. Таковым его сделали Великая Французская революция и Наполеон. До 1789 г. это была «федерация провинций» под властью короля. В каждой провинции имелся свой парламент, свои законы, свои меры длины и веса, а в отдельных провинциях – Лотарингии, Гаскони, Бретони и др. – свой язык.

раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и стоя устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась».

Характерный пример гвардейца – граф Вронский из «Анны Карениной». Собственно, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для несения охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона.

В 1880—1900 гг. произошла настоящая революция в военном деле. Введены магазинная винтовка Мосина, унитарные патроны и противооткатные устройства в артиллерии; дымный порох заменяется бездымным; снаряды вместо черного пороха снаряжаются пироксилином; появляется автоматическое оружие от пистолетов до пулеметов и автоматических пушек. Все это проходило мимо гвардейских офицеров. Ну, прикажут изучить винтовку Мосина или 12 см гаубицу Круппа, изучат досконально, не прикажут – никто ими и не поинтересуется.

Можно ли представить себе семнадцатилетнего корнета или прапорщика гвардии, который не ходил бы на балы, в оперу, не волочился бы за дамами, не играл в карты, не пил, а сидел бы ночи напролет за трудами Руссо, кодексом Юстиниана, писал трактаты по баллистике и историю Корсики. Да такой и минуты бы не продержался в гвардии. Да, впрочем, и из армии его бы вытурили за того же Руссо.

Алексей Вронский как человек мне лично симпатичен, и, думаю, большинство современных дам от него в восторге. Но задумаемся на секунду о его дальнейшей карьере. После гибели Анны Толстой отправляет Вронского добровольцем на войну в Болгарию. После вступления в войну России в 1877 г. он немедленно вернется на царскую службу. Если Алексей не будет убит (вероятность чего не превышает 20 %), то уже в 1880х годах он станет полковником. В 1905 г. граф Вронский положит дивизию под Мукденом или Ляоляном, а в 1914 г. – корпус под Танненбергом.

А вдруг его покалечит на войне или болезнь заставит сменить военную службу на статскую? Вообразите, какой из него получится действительный статский советник или министр!

Увы, это не авторские предположения. У знатного гвардейца не было иного пути, разве что сопьется...

Неудачи в ходе боевых действий 1904—1905 гг., 1914—1915 гг., а также участие в карательных операциях 1905—1907 гг. непоправимо подорвали престиж не только гвардейских, но и армейских офицеров. Вот любопытная большая красивая книга «Краткая летопись бй конно-горной батареи 1807—1907 гг.» (Вильно, 1907). Там несколько глав с описанием войн, где участвовала сия батарея: 1812—1815 гг. – война с Наполеоном; 1831 г. – подавление польского восстания; 1849 г. – подавление венгерского восстания; 1905 г. – боевые действия в Таврической губернии. Батарея действовала повзводно: 1й взвод прошел с боями 1200 верст, 2й взвод – 1000 верст. 1й взвод выпустил столько-то снарядов, 2й взвод – столько-то.

А теперь риторический вопрос – как должно было вести себя малороссийское селянство спустя 13 лет, изловив парочку «золотопогонников»?

Уже через несколько часов после расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации гвардейскими полками разъяренная толпа на Невском переворачивала сани с господами офицерами и начинала их нещадно бить.

В 1916 г. русские солдаты не знали, за что они воюют. В августе 1914 г. царь объявил, что Россия защищает братьев-славян, которых угнетают австрияки. Но 1 октября 1915 г. братушки-болгары объявили войну... «клике Распутина». Именно так было сказано в заявлении болгарского правительства.

В отличие от 1941 г. враг не угрожал русской земле. Шла нудная, но чрезвычайно кровавая позиционная война на окраинах империи с преобладанием нерусского населения, а также на территории Румынии и Турции.

Решающей силой в позиционной войне была тяжелая артиллерия. Но в России ее почти не было. На Западном фронте в 1916—1918 гг. союзники при наступлении на 1 км фронта сосредотачивали больше орудий большой и особой мощности, нежели было во всей царской армии.

Увы, только в 1916 г. до наших генералов дошла вся катастрофичность положения в стране. Царь в 1915 г. объявил себя главнокомандующим армией, хотя он 20 лет назад командовал батальоном и более никогда не занимался вопросами управления войсками и военной промышленностью. Совет министров остался в Петрограде. В итоге в нарушение всех законов Российской империи министры начали ездить с докладами и для получения «высочайших указаний» в Царское Село к императрице Александре Федоровне. Та информировала о делах своего мужа, а в основном внимала советам «нашего Друга». Империя фактически лишилась управления.

И вот в генеральских и офицерских кругах разговоры о том, как все плохо, переходят к традиционному русскому вопросу: «Что делать?», а затем: «С чего начать?» Начинаются разговоры о различных вариантах военного переворота.

За два месяца до Февральской революции генерал-лейтенант А.М. Крымов в частном отчете депутатам Думы о положении на фронте заявил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют... Время терять нельзя...»

Одним из самых оригинальных способов было нападение на автомобиль императора с воздуха. Причем было два варианта: сбросить бомбу на автомобиль и спикировать методом «камикадзе». Авиационный вариант граничил с авантюрой, но о его пресечении царь начал готовиться еще в первые месяцы 1915 г. – ПВО Царского Села стала сильнейшей в России. Именно туда, а не на фронт отправляли первые автомобильные батареи 76мм зенитных пушек Лендера и 40мм зенитных автоматов Виккерса. Начальником сил ПВО («воздушной охраны») был назначен протеже Распутина полковник Мальцев. Конечно, эти батареи не смогли бы прикрыть наши войска на огромном фронте от Либавы до Дуная, но зато их боевое применение имело огромное значение как для конструкторов зенитных орудий, так и для разработки наставлений по зенитной стрельбе. Царское Село же было удалено на расстояние около 600 км от линии фронта. Ни в 1915 г., ни в 1916 г. у немцев не было самолетов, способных нанести удар даже по целям, удаленным на 300 км. Я уж не говорю, что кайзеру не было никакого резона бомбить царицу с Вырубовой и Распутиным.

Что же это? Очередной просчет генералов? Нет. Задранные в небо стволы Лендеров и Виккерсов всегда были готовы к встрече... своих самолетов.

Более реальным, чем авиационный, был железнодорожный вариант. Группа офицеров под командованием генерала Крымова поднимает по тревоге несколько подразделений и на переходе между Царским Селом и Петроградом захватывает царский поезд, вынуждает царя согласиться на отречение от престола.

Захват поезда намечался несколько раз, но все время переносился. Последний раз операция была перенесена на 1 марта 1917 г. Почему же срывалась операция? Причины были технического и морального характера. Конвой мог оказать сопротивление, а Николай II наверняка отказался бы подписать отречение подобиру-поздорову. Вероятность 99 %, что захват поезда кончится так же, как и визит гвардейский офицеров в спальню Павла I.

Офицерам и генералам страна многое дает и вправе многое спросить с них.

Умные офицеры могли вызвать овации народа и поцелуи гимназисток как в 1905 г., так и в 1915 г. Кстати, в день отречения Николая II на вечернем балу в Петрограде великий князь Борис Владимирович на радостях танцевал запрещенное Николаем II танго.

Но увы, увы... Все всё понимали, все возмущались, «под пламенные тирады мы пили вино как воду», а вот перчаток пачкать никто не захотел. Вот все скопом и угодили под колесо истории. Над военными заговорщиками с середины 1916 г. начали смеяться обыватели обеих столиц. Вот характерная юмореска из газеты «Русская воля»:

*Москва. Ну-с...*

*Петроград. Трус... А вы-с?..*

*Москва. Увы-с...*

И вот генерал-лейтенант Крымов и полковник Врангель систематически обсуждают в штабе дивизии вопросы о дворцовом перевороте. А ведь это тягчайшее государственное преступление. Подслушал бы какой-нибудь вестовой и закричал: «Слово и дело государево!», и по законам военного времени петля обоим. Но Врангель и Крымов ничем не рисковали – об этом тогда болтали офицеры во всех штабах. Болтали и... ничего не делали.

Несколько слов стоит сказать о сослуживцах Врангеля по Уссурийской дивизии. Так, командир Приморского драгунского полка генерал-майор Сергей Иванович Одинцов с декабря 1917 г. служил в аппарате РККА, а с ноября 1919 г. командовал 7й армией, защищавшей Петроград от войск Юденича. Однако большинство офицеров полка оказались в рядах белых в Сибири и на Дальнем Востоке. Дело в том, что в конце 1917 г. вся дивизия бросила фронт и отправилась по домам на восток.

Адъютантом Врангеля во время командования Нерчинским полком был Григорий Михайлович Семенов, а подьесаулом служил барон Роберт (Роман) Федорович Унгерн фон Штернберг.

Первый из них с помощью японцев попытался стать правителем Дальнего Востока и произвел сам себя в генерал-лейтенанты. Захвачен Красной Армией в Хабаровске в августе 1945 г., осужден и приговорен к высшей мере, в 1946 г. повешен в Москве.

Ну а подьесаул, «барон», тоже сам себя произвел в генерал-лейтенанты, но пошел еще дальше и назначил себя, любимого, великим монгольским ханом и потомком Чингисхана. Выдан сообщниками большевикам и после публичного процесса 15 сентября 1921 г. расстрелян в Новосибирске.

Но мы отвлеклись, и я вновь предоставляю слово Врангелю:

«Я выехал в Петербург в середине ноября (1916 г.); несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации...

В верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии Великого Князя или Императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя – прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память Его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом

бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату. После завтрака Государь гулял; а затем принял нескольких лиц, сколько я помню, вновь назначенного министром здравоохранения, профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярко выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение Ее глаз. Императрица главным образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов».

Тут стоит прервать барона и напомнить читателю, что в письме к мужу от 4 февраля 1916 г. царица спрашивала: «Интересно бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» И с чего бы такая узкотехническая деталь стала интересовать Алису и Григория, столь мало разбиравшихся в физике и химии? Или это был запрос кукловодов Распутина?

Но вот все формальности закончены, и в середине декабря Врангель возвращается на фронт.

«Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредоточивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи-Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издал, размахивая газетами, закричал мне: “Наконец-то подлеца Гришку ухлопали...”

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям».

Как не совестно барону в середине-то 1920х годов нести такую чушь! Убийство Распутина еще раз показало, что никакой власти в России нет и в помине. Императрица Александра Федоровна отдала приказ арестовать и расстрелять без суда убийц «нашего Друга». Однако «другая власть» взяла дом великого князя Дмитрия Павловича под охрану. Царь срочно бросает Ставку и едет в Петербург. Но там он не решается даже отдать убийц под суд и ограничивается ссылкой князя Феликса Юсупова в его имение Ракитное в Курской губернии, а великого

князя Дмитрия Павловича отправляет на Персидский фронт. Другой убийца – Пуришкевич – заранее в Санитарном поезде уехал на Западный фронт и там оказался вне действия царской власти.

Но вернемся к жизнеописанию барона:

«10го января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1й бригады Уссурийской конной дивизии, в состав которой входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачьи полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 14ти месяцев, с которым делил и тягости боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил Государя и Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, поехал на несколько дней в Яссы».

Там Врангель получил телеграмму о производстве его в чин генерал-майора.

«С производством моим в генералы мне надлежало вступить в командование дивизией, и я выехал на фронт.

В двадцатых числах января дивизия получила приказание перейти в район г. Кишинева. Здесь сосредоточивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и главным образом фуражом, Бессарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко, и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны...

4го или 5го марта, в то время, как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что “из среды Думы выделено будто бы Временное Правительство”. Более подробных сведений он дать не мог. Часов в восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован: “В Петербурге восстание, Государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам”.

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генерал Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста Государя, генерал Крымов стал читать манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба: “Это конец, это анархия”.

Конечно, самый факт отречения Царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог, тем не менее, не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в самой идее уничтожения монархии, исчезновении самого Монарха. Последние годы Царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол. Передача Им власти Сыну или Брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому Государю, русские люди, так же как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине и умирать за “Веру, Царя и Отечество”.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.